ЛАРА СИНЕЛЬНИКОВА

larnics@luguniv.edu.ua

ДИСКУРС НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В МЕСТОИМЕННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Русскому дискурсу присуща своего рода клаустрофобия - боязнь пространства, замкнутого конкретной и полностью эксплицированной информацией.
Н.Д. Арутюнова

Дискурс неопределённости, представляющий важную для высказывательной ситуации категорию определённости/неопределённости, может анализироваться с разных сторон. Предмет нашего интереса – особая роль неопределённых местоимений в организации этого вида дискурса. Участвуя в коммуникативных действиях, неопределённые местоимения проявляют дискурсивную семантику, под которой понимается такое их свойство, как когнитивная неопределённость в организации и передаче знания от адресанта к адресату. «Когнитивная неопределённость (уровень знания) понимается как неопределённость в отношении представлений и установок партнёра по коммуникации и/или самого говорящего» (Карасик, 1992: 27).

Выбор процедуры передачи знаний в процессе общения обусловливаются разными причинами: поведенческими стереотипами, сложившимися в определённой культуре; психологическими факторами, определяемыми предметным содержанием общения; личностными психологическими мотивами. В когнитивной психологии используются такие понятия, как когнитивные карты, когнитивный диссонанс, когнитивный консонанс (когнитивная координация), на основании которых может проводиться конверсационный дискурс-анализ – изучение разговоров и текстов общения, то есть тех действий, которые входят в повседневную деятельность людей (акторов) по производству и обработке информации в ходе языкового взаимодействия (Исупова, 2002). Понятия когнитивной психологии способствуют укреплению позиций гносеологического антропоцентризма, сложившихся в современной лингвистике на основе дискурсологического подхода.

В дискурсе осуществляется непрерывный переход от одного вида знаний к другому. Семантика неопределенных местоимений тесно связана с видами знаний, которые имеются у людей, вступивших в общение, а также с тем объёмом информации, который по желанию собеседников может стать их достоянием. В анализе дискурсивной семантики неопределённых местоимений мы используем понятие *когнитивное множество*, активно применяемое в работах профессора кафедры славистики Гарвардского университета, автора работ по

грамматике дискурса О. Йокояма, но модифицируем признаки этого понятия, что обусловлено спецификой исследуемого материала. Когнитивные множества – это объём (множество) знаний, которые имеются у людей, вступивших в общение. Знание в дискурсе приобретает определенную языковую форму, в той или иной степени определяемую его видом. О. Йокояма называет семь видов знания, эмпирически классифицируемых с точки зрения говорящего субъекта: **референциальное знание** (referential knowledge) - некий набор признаков, необходимый для идентификации мира или предмета; **пропозициональное знание** (propositional knowledge), представленное в «голых» пропозициях (например, *кто–то куда–то уехал*); **специфицирующее знание** (specificational knowledge), которое позволяет осуществить замену неизвестного на известное одному из собеседников; **экзистенциальное знание** (existential knowledge) - общее (обобщенное, неконкретное знание), идентифицировать которое можно только косвенно (например, собеседник не знает названия города, но не может отрицать его существования, так как в этот город уехал друг); **предикационное знание** (predicational knowledge) - минимальное знание о событии (в варианте «нечто имело место»); **метаинформационное знание (**metainformational knowledge) – знание, необходимое для получения или передачи информации; **знание дискурсивной информации** (knowledge of the discourse situation), зависящее от соотнесенности знаний адресата и говорящего (Йокояма, 2005: 30-42].

Когнитивное множество – операциональное понятие, позволяющее судить о коммуникативной деятельности как лингвопсихоментальном процессе, выявляющем когнитивные пространства субъектов речи. Без согласованности когнитивных множеств говорящих невозможна успешная коммуникация. Неопределённое местоимение нередко оказывается зоной пересечения и балансирования когнитивных множеств участников общения. Сообщение адресанта «должно строиться с таким расчетом, чтобы в целом оно было понятно для слушающего. При этом говорящий исходит, конечно же, из имеющихся у него представлений о том, что собеседнику может быть известно, а что неизвестно в теме беседы, «на ходу прикидывает», в какой мере другой мог воспринять предложенную информацию и не понадобятся ли какие-либо уточнения. Со своей стороны и слушатель далеко не пассивен, ибо, пытаясь мысленно восполнить случайно упущенные или сознательно опущенные части информации, он в конечном счете стремится на основе своего жизненного опыта создать наиболее полные собственные представления о том, что же ему хотел сказать партнер по коммуникации» (Лобачёв, 1981: 23). Дискурс как процесс накопления и изменения знаний может быть представлен в виде своеобразной нотационной записи, отражающей поэтапное, пошаговое фиксирование речевых действий как коммуникативных тактических шагов.

Неопределённые местоимения влияют на уровень когнитивной активности говорящих. Один из собеседников может лучше знать, какое содержание скрыто за местоимением, другой хочет сделать это знание своим достоянием. Когнитивные свойства неопределённости связаны с возникновением особого вида мотивации – стремления понять сказанное,

разобраться в положении вещей. Начинает проявлять себя феномен преодоления состояния неудовлетворённости и беспокойства, вызывающий когнитивную активность говорящих: непознанное, непонятое или недопонятое привлекает, интригует, стимулирует физические и умственные действия по заполнению лакуны. Это обстоятельство позволяет считать неопределённость в гносеологическом отношении мощнее определённости. Когнитивно-психологический фактор, таким образом, объясняет функционально-смысловое разнообразие неопределённых местоимений в дискурсе.

Категориальным семантическим признаком неопределённых местоимений является факт обозначения неконкретного знания. Местоимения этой группы участвуют в передаче неопределённости как таковой, которая маркируется *то*-местоимениями (*кто-то, что-то, какой-то, почему-то* и др.), *либо*-местоимениями *(кто-либо, что-либо, какой-либо* и др.), *нибудь*-местоимениями (*кто-нибудь, что-нибудь, какой-нибудь* и др.), *кое*-местоимениями (*кое-кто, кое-что, кое-какой* и др.), а также местоимениями с *не-* (*некто, нечто, некий*). Таких образований насчитывается более шестидесяти. Потенциально референтные лексические единицы, обозначенные неопределёнными местоимениями, для конкретизации знания могут быть заменены существительными, прилагательными и другими знаменательными частями речи, а могут принципиально не нуждаться в такой замене и быть носителями другого вида знания. Семантика неопределённых местоимений в системе языка заставляет их быть «прикреплёнными» к предметам, признакам предметов, месту, времени и т.д., которые не известны или о которых не хотят говорить. И вот это «не хотят говорить» имеет прямое отношение к прагматике дискурса, ориентированной на описание интерсубъектных отношений.

Неопределённое местоимение в дискурсе нередко оказываются диссонантом, то есть таким элементом, который находится в диссонантном отношении с когнитивным множеством собеседника. Этим обстоятельством объясняется активность структур реагирования на неопределённость. Структуры реагирования – это проявленная адресатом инициатива, его желание перейти от диссонанса к консонансу. Характер структур реагирования зависит от степени диссонанса, то есть от различий объёма когнитивных множеств собеседников и от их желания уменьшить степень диссонанса.

Особую функционально-семантическую нагрузку несут неопределённые местоимения в сообщениях о девиациях: *Он сам просил о встрече, но почему-то не пришел*. Н.Д. Арутюнова упоминает о такого рода употреблении неопределённых местоимений в связи с рассмотрением проблемы аномалий в механизмах жизни и языка. *Почему-то* – способ высказаться о неизвестном событии, повлекшим за собой не желательные для говорящего следствия. «Ненормативное явление озадачивает. В ответной реплике причина выясняется, и это снимает удивление. Объяснить причину часто значит свести ненормативное явление к норме или открыть нечто дотоле неизвестное (новую норму)» (Арутюнова, 1999: 77). Неопределённые местоимения *что-то* и *какой-то* также могут организовать ненормативную ситуацию: *что-то у тебя концы с концами не сходятся; какой-то странный вкус у этого блюда*. Неопределённые

местоимения в этом случае «не включают эксплицитного указания на причину», но «соотносятся с идеей причины. … Беспричинность работает на обвинителя. Причина создает смягчающее обстоятельство. … Разбуженная девиацией мысль устремилась на поиск причины» (Арутюнова, 1999: 77). Так дискурсивная семантика неопределенных местоимений контактирует с концептом причины.

Еще одна когнитивно и прагматически значимая роль неопределённых местоимений обнаруживается в случае интродуктивной дескрипции, вводящей объект в ситуацию общения без его идентифицирующей характеристики. С помощью местоимений *какой-то*, *один* говорящий стремится если не скрыть, то сократить информацию, считая ее не важной для темы разговора или для конкретного собеседника: *какой-то человек ему помог; одна девушка мне рассказывала; я где-то читала, что…* . Говорящий может знать и того, кто ему помог или рассказал, и книгу, которую читал, но не считает это важным для информации о предмете речи. Установка на сокращение неактуальной информации обычно понимается собеседником, и переспросы могут возникнуть только в случае обнаруженного желания скрыть важную, интересующую собеседника информацию, и тогда неопределённое знание заинтересованный субъект речи стремится перевести в референциальное: *какой именно человек помог, какая девушка рассказывала* (например, в условиях любого рода разбирательства, в том числе судебного). В разговорной речи ситуации переспроса возникают значительно реже, и высказывания с неопределёнными местоимениями типа *он купил какие-то продукты, и мы поужинали; мама передала мне кое-что из вещей* – обычное явление в общении на бытовые темы (Капанадзе, 2000).

На неопределённости строится так называемая редуцированная речь, имеющая одну грамматически опознаваемую форму – форму речи с заменителями. Включая неопределённые заменители «такой-то и такой-то», «то-то и то-то», говорящий производит максимальную редукцию информации, оценивая ее как незначимую в надежде, что такая оценка будет принята слушателем. Обычно необходимости в дополнительной информации через расшифровку неопределённости не возникает, поскольку слушатель соглашается принять условия подачи информации как обстановочной, вторичной. Например: «*Меня спрашивают, чем закончилась такая-то и такая-то история…*» - важен обобщающий ответ; а не рассказ о каждой истории отдельно. В художественном повествовании (см. прим.) такие местоимения используются для имитации живой разговорной речи нередко с явным ироническим оттенком: *«Музей открыли в доме, где жил просветитель с такого-то и по такой-то год»* (В. Токарева). *« - Напомните мне, пожалуйста, мою точку зрения. Ученый секретарь отчеканил: - Вы считаете то-то и то-то! – Благодарю вас»* (З. Паперный). *«Такой-то, подавший в свое время надежды, оказался пустышкой, а такой-то, наоборот, процвел, лаурятствует, ездит по заграницам, имеет огромный успех»* (И. Грекова). Такого рода неопределённость представляет собой своеобразный вид коммуникативного договора: адресату предлагается не принимать во внимание некоторые признаки предметов, детали событий и т.д. По условиям «договора» уточнение не предполагается, так как речевые действия по конкретизации неопределённости могут привести к трансформации иллокутивных целей говорящего.

В когнитивном отношении неопределённые местоимения неоднозначны. Говорящий может знать о референте, стоящем за неопределённым местоимением, но по каким-то причинам скрывать это от слушающего. Может действительно не обладать референциальным знанием и через неопределённое местоимение сообщить об этом собеседнику. Кроме того, есть некое знание, которое невозможно эксплицировать, представить в адекватной вербальной форме, и только неопределённое местоимение может быть символом такого рода знания. Остановимся на признаках когнитивно-семантической организации ряда дискурсивных ситуаций с актуализированным неопределённым местоимением.

Названные и неназванные термы создают в дискурсе оппозицию определенности/неопределенности. Важно разделить дискурсивные ситуации, в которых референциальное знание не играет никакой роли, и неопределённое местоимение маркирует такое положение дел, и ситуации, в которых референциальное знание по разным причинам скрывается с помощью неопределённого местоимения. Конструктивная активность адресата проявляется в его вопросах, которые в этом случае нужно квалифицировать как запросы на сбалансированность когнитивных множеств и выход из диссонантной ситуации. Вопрос (вопросы) – естественная коммуникативная потребность адресата, его прагматически уместная позиция, свидетельствующая о затруднениях в идентификации предмета, объекта речи, неясности иллокутивных установок адресанта. «Что касается намерений говорящего, то для любого обычного вопроса они постоянны – вопрос всегда выражает неведение говорящего и содержит призыв к слушающему это неведение рассеять» (Янко, 1994: 101]. Вопросы способствуют правильной оценке дискурсивной ситуации через уточнение состояния когнитивных множеств общающихся. Поскольку «вопрос всегда выражает неведение говорящего и содержит призыв к слушающему это неведение рассеять», он входит в процедуру интерактивного взаимодействия, с его помощью адресат пытается установить равновесие между рассогласованными в определённый момент общения когнитивными множествами. Вопрос меняет местонахождение знания, релевантного для выстраивания дискурса. До ответа знание не находится в когнитивном множестве спрашивающего, и «трансакции, начинающиеся с вопроса, заканчиваются только после того, как на вопрос получен ответ» (Йокояма, 2005: 162). Вопрос в интеракции - это осознанное незнание. Дихотомия «знание – незнание» лежит в основе дискурсивных трансакций, организованных с помощью вопросов.

Н.Д. Арутюнова обратила внимание на то, что в ряде случаев адресат не ждет снятия неопределённости (или недоопределённости), что делает невозможным соотнесенность неопределённых местоимений с вопросами. Такого рода наблюдения направлены на выявление тонкой когнитивной природы дискурса неопределённости. «Отсутствие вопросов к модификаторам признаков не должно удивлять. Ощутить вторичный признак легче, чем его вербализовать. Признаки высокой степени абстракции воспринимаются чувством, но редко поддаются конкретизации. Нюанс не входит в юрисдикцию

стандартной семантики. Он не образует идентифицируемого значения. Его присутствие маркируется знаками неопределённости» (Арутюнова, 1995: 184).

Знаки неопределённости в подавляющем большинстве не препятствуют пониманию информации. Например, в высказывании *кто-то остановил стоп-кран, и никто не смог удержаться на ногах* – «кто-то» маркирует неопределённость, которая вполне устраивает ретранслятора информации и слушателей. Запрос на дополнительную информацию (кто именно?) не важен, если обращено внимание на само событие, его экстремальность. И только в случае расследования ситуации, то есть при переводе её в другой вид дискурса, информация о лице, сорвавшем стоп-кран, может оказаться необходимой. Референты неопределённого местоимения могут быть неизвестны говорящему, но, по его мнению, известны адресату: *Тебе кто-то звонил и напоминал и необходимости встречи; Ты обещал что-нибудь предпринять; Почему-то ты не захотел меня выслушать*. Может быть наоборот: то, что известно говорящему, неизвестно адресату, который при необходимости инициирует смену дискурсивной ситуации: *Что-то упало со стола, и я проснулся* (вряд ли в этом случае возникнет необходимость запроса – что именно упало со стола, так как и для говорящего, и для адресата важно следствие неожиданного шума, прервавшего сон). *Кто-то крикнул в соседнем доме так громко, что я проснулся* (в этом случае запрос на получение референциального знания наиболее вероятен, так как неожиданно громкий крик в качестве источника для получения дополнительной событийной информации может быть более важным, чем прерванный сон).

Местоимение маркирует неопределённость, которая может иметь двойственную природу, определяемую возможностью или невозможностью получения специфицирующего знания через соответствующий запрос о нем. И в том, и в другом случае может не быть необходимости в референтной конкретизации. Но во втором случае – нет и возможности перейти от неопределённого знания к определённому. Разное пропозициональное содержание лежит в основе событий, существующих в физическом мире, и событий внутреннего мира. И это определяет мотивы использования неопределённых местоимений при переводе пропозиций в высказывание. Таким образом, ментальная процедура - возможность или невозможность запроса о референциальном знании - позволяет говорить о двух когнитивных функциях неопределённых местоимений, проявляющихся в дискурсе.

Первая группа примеров иллюстрирует гипотетическую возможность запроса референциального знания адресатом: *«В действительности, летом 1918 года члены английской и французской секретной службы и* ***кое-кто*** *из американского и даже скандинавских консульств работали в одном направлении…»* (Н. Берберова). *«****Кто-то*** *попросил его прочитать новые стихи. Ему не хотелось»* (З.Паперный). *«Причесавшись перед утренним зеркалом, герой поднялся на второй этаж, где громко жестикулировали, толкуя о картинах, развешенных по стенам,* **какие-то** *люди художественной наружности»* (Е. Попов). *«А у меня было назначено свидание в пять тридцать. Причем не с женщиной даже, а с Бродским. Далее – банкет по случаю* ***чьей-то*** *защиты»* (С. Довлатов).

Вторая группа примеров иллюстрирует невозможность запроса референциального знания, так как в роли носителя специфицирующего знания

выступает само неопределённое местоимение: *«Есть дураки умные, как Тамара, есть – торжественные. А я – набитый дурак. В тех дураках есть хоть* ***какой-то*** *смысл. Во мне – никакого»* (В. Токарева). *«Перед Аллой виноват, ее не любил. Нет, зачем врать?* ***В каком-то*** *смысле любил. Можно ли любить «в каком-то смысле»? Либо ты любишь, либо нет. Если так – не любил»* (И. Грекова). Квантор неопределённости, реализованный в приведенных примерах, представляет собой одну из характернейших особенностей человеческого сознания и мышления - поиск какого-то смысла при ощущаемой невозможности до конца понять суть вещей. Человек далеко не во всем в состоянии разобраться на рациональной основе, и размышления о смысле, догадки о его существовании лежат в основе рассуждений о мироустройстве. Такого рода рассуждения не могут обойтись без неопределённых местоимений. Вопросы «Что именно?», «Кто именно?», «Какой именно?» в применении к неопределённым местоимениям во второй группе примеров не просто неуместны, но и (во всяком случае с позиции здравого смысла) невозможны. Специфицирующего знания, необходимого для ответа на гипотетический запрос, не существует. Невозможен идентифицирующий вопрос в высказываниях с семантикой предположения: в них неопределённое местоимение проецируется в будущее, в котором, по мнению говорящего, возможны некоторые события: *«Шаблинский поведает* ***о какой-нибудь*** *фантастической горкомовской охоте»* (С. Довлатов). *«****Какой-нибудь*** *тощенький студент лет через сто придет в библиотеку, отыщет мою брошюрку»* (В. Токарева).

Особенно очевидна «выброшенность» из мысли специфицирующего знания (по сути, его невозможность) в оценке разного рода эмоциональных состояний: *«И стало* ***чего-то жаль****» (В. Токарева). «И* ***что-то*** *у него* ***ныло*** *в душе, переворачивалось»* (И. Грекова). *«Я уверена: когда Чайковский писал тему любви, четвертый такт,* ***что-то смеялось*** *в его душе, он не мог продыхнуть»* (В. Токарева).

Семантику приблизительной идентификации через структуры *кем-то вроде, чем-то вроде, что-то в этом духе* говорящий использует в случае неясности своего или чьего-нибудь статуса, а также не ясного отношения к чему-либо*: «Назначили* ***кем-то вроде*** *осветителя»* (С. Довлатов). *«Жильцы приезжали из года в год одни и те же. Образовалось* ***что-то вроде*** *дополнительной семьи»* (В. Токарева*). «Чувствуешь себя каким-то утопистом,* ***кем-то вроде*** *Томаса Мора, автора книги «Утопия»* (З. Паперный).

Границу между двумя видами когнитивной семантики неопределённых местоимений не всегда легко провести: события физического мира тесно переплетаются с событиями внутреннего мира человека, с его сознанием и рефлексией. В этих случаях к неопределённым местоимениям можно поставить *кто (что, какой) именно*-вопрос, но ответ (за исключением особых случаев дознания) содержательно будет пустым и ненужным: *«Но, здесь на Патриарших, надо было постоянно* ***что-то*** *завоёвывать и преодолевать»* (В. Токарева). *«Дома развернул свои газетные вырезки.* ***Кое-что*** *перечитал. Задумался…»* (С. Довлатов). *«Есть старый прием: берется* ***какое-нибудь*** *произведение, а затем придумываются пародии – кто из литераторов как бы его написал»* (З. Паперный).

Различия в когнитивной семантике двух групп неопределённых местоимений важны для характеристики соответствующих дискурсивных

ситуаций. Если первая группа неопределённых местоимений предполагает валентность на событие (кто-то молчал, говорил, уходил, пел, умирал и т.д.), то вторая является носителем идеи отсутствия событий как таковых; в промежуточной группе за неопределёнными местоимениями стоит некое событие (во всяком случае, это не исключается), но его экспликация может обессмыслить информацию или резко изменить тему, а вместе с этим и исходные иллокутивные установки говорящих.

Неопределённые местоимения – носители семантики неопределённости, в этом их когнитивная самодостаточность. Говорящий выбирает определённый или неопределённый способ оформления некоторой информации, и его правота – в осуществлённом выборе. Но этот выбор не может не зависеть от поставленных коммуникативных целей, от того, что и в какой форме должен знать и понять адресат, о чём - только догадаться. Неопределённые местоимения регулируют распределение известного и нового, общего и конкретного и т.д. Право адресата на понимание коррелирует с выбором адресанта, и в этом процессе неопределённые местоимения ведут себя по-разному. Возможность перевода неопределённой информации в определённую может быть реализована при условии согласия участников общения. Для снятия неопределённости волевых действий только с одной стороны недостаточно.

Неопределённое местоимение может получать предикацию, в условиях которой неопределённость сразу же снимается. Располагая идентифицирующую информацию постпозитивно, говорящий демонстрирует движение мысли – от некоторой диффузности к ее конкретизации. Происходит смена модальности: от предположительной к объективно-реальной. Событие мысли переходит в событие жизни – реально наблюдаемое, свершаемое в настоящем времени или воссоздаваемое: *«По дороге его **кто-то** перехватил за руку. Это был сам хозяин, герой торжества, новоиспеченный майор Красников»* (И. Грекова). *«Артамонова поступила в училище легко, с первого раза. На вступительном экзамене играла Чайковского, Шопена и **что-то** для техники, сейчас уже забыла что. Кажется, прелюд Скрябина»* (В. Токарева).

Иную когнитивную нагрузку имеют неопределённые местоимения, переводящие ситуацию от определённости к неопределённости. В этом случае происходит движение от события жизни с конкретно означенным субъектом действия к событию мысли: *«Спасибо, Ольга Ивановна, за цветы. - Не за что, Анфиса Максимовна. Я же вас люблю. Хорошо стало Анфисе, что ее **кто-то** любит»* (И. Грекова). «*Я как парламентёр поднимаюсь к К.М. Симонову на четвертый этаж. Он невозмутимо произносит: - Что ж пригласите её (Мариэтту Шагинян. – Л.С.) ко мне. Придётся с ней поговорить. Я пытаюсь объяснить, что она не пойдёт. Но в его голове не умещается, что **кто-то** не захочет принять его приглашение»* (З. Паперный).

Характер осуществляемой неопределённым местоимением референции может зависеть от семантической принадлежности слова, с которым непосредственно связано местоимение. Так, слова-эмотивы относятся к числу предпочтительных лексико-тематических групп для соединения с неопределёнными местоимениями *какой-то, какая-то, какие-то*. Возможно, это связано с психологической установкой говорящего не быть однозначно

категоричным в выявлении эмоций: *«**С какой-то отрадой** я глядела в окно…»* (И. Грекова). *«Во мне разрасталась **какая-то тоска**, хотя все было нормально»* (В. Токарева).

С помощью неопределённого местоимения мысль передаётся как процесс приблизительной, но в то же время достаточно точной оценки. Эта оценка может «размещаться» во внутренней речи нарратора и может быть обращена к физическому адресату, что, безусловно, влияет на характер общения: *«Боря явно изменился. В его манерах появилось **что-то аристократическое**. **Какая-то пресыщенность** и ленивое барство»* (С. Довлатов). *«Эля с ужасом и **каким-то этнографическим интересом** смотрела на стариков - родителей мужа»* (В. Токарева).

Неразрывность с неопределённым местоимением характерна для любого рода смещённой оценки метафорического характера: *«Домишки **какие-то бамбуковые**, с бумажными стенами – ветер так и гуляет»* (И. Грекова). *«Раздражали долгие речи Полынина – **какая-то умственная чесотка»*** (И. Грекова). *«Все это не могло не задеть в душе Владимира **какие-то сокровенные струны**, их невеселый звон рождал воспоминания, в которых было нечто и приятное, и грустное, что звало к уединению, к спокойным и неторопливым раздумьям»* (З. Паперный).

Добавление неопределённого местоимения к имени собственному в корне меняет прагматику высказывания через ввод модальности неважности, незначительности. Такого рода оценка может представлять коллективную точку зрения или маскировать чужое слово и, следовательно, вводить разделяемое говорящим мнение другого лица: *«Я в свое время намекал Дятловой, что не прочь бы поработать под ее руководством. Пропустила мимо ушей. Еще бы: сынок начальника или **какой-то Феликс Толбин**»* (И. Грекова). *«При этом Артамонова знала и все знали, что Киреев женат **на какой-то Руфине**»* (В. Токарева).

«Недоопределённость признаков, - по мнению Н.Д. Арутюновой, - вызвана ограниченностью семантических ресурсов языка или неумением ими пользоваться. Ее трудно устранить. Чтобы индивидуализировать признак, необходимо тонкое знание языка и владение художественной техникой, позволяющей частично восполнять семантические лакуны за счет тропов и иных стилистических приемов» (Арутюнова, 1995: 85]. Художественный дискурс, реализуя идею неопределённости посредством неопределённых местоимений, имеет возможность с их помощью передавать многие смыслы.

Грамматика повествовательного текста моделирует психологическую реальность человеческих отношений. В глобальной связности художественного дискурса действуют разные акторы коммуникации: рассказчик-нарратор, адресант повествования-наррации, производитель интерречевого акта и его адресат (Селиванова, 2002: 229). Каждый из акторов может иметь свой повествовательный модус, организующий определённый тип речи: монолог, диалог, несобственно-прямую речь, несобственно-прямой диалог. Авторское речевое «поведение» может быть представлено в трех основных типах речи – повествовании, описании, рассуждении. Типы повествования различаются выбором и организацией языковых средств, ориентированных на описание отношений с действительностью и субъектами речи. Неопределённые

местоимения входят в число спецификаторов каждого повествовательного типа. Полноценное исследование такого рода проблемы требует особого инструментария, учитывающего особенности разножанровых и разновременных художественных произведений. Мы остановимся лишь на некоторых особенностях и роли неопределённых местоимений в художественном нарративе.

Художественное повествование – носитель прагматической (событийной) информации. Содержание повествования оформляется дескриптивно. Неопределённые местоимения активны в повествовании, организуемом по типу монтажного приема, строящегося на основе сенсорной модальности – «рассматривании» некоего пространства, заполненного предметами, о свойствах и назначении которых субъект восприятия может судить только неопределённо: *«Она послушно пошла в ванную. Комната была* ***чем-то*** *похожа на прежнюю. Да, не было книг. Из-под тахты глядели кеды огромной величины,* ***какие-то*** *кедовые гиганты, синие с красной подошвой»* (И. Грекова). *«Комната производила странное впечатление. Диван, заваленный бумагами и пеплом. Стол, невидимый под грудой книг. Черный остров довоенной пишущей машинки.* ***Какой-то*** *ржавый ятаган на стене»* (С. Довлатов).

Не может обойтись без неопределённых местоимений несобственно-прямая речь: синтезируя авторское слово и слово персонажа, то есть «соскальзывая» через чужое слово к сознанию *другого*, повествователь вынужден обращаться к резервам категории неопределённости: *«Берег он себя мысленно* ***для чего-то*** *другого, а для чего – и сам не знал.* ***Для чего-то*** *высшего»* (И. Грекова). *«****В чем-то*** *глубинном она не переменилась, осталась прежней, молодой.* ***Чего-то*** *выжидала. Награды за одиночество»* (В. Токарева).

Неопределённые местоимения в несобственно-прямой речи организуют повествование от 3-го лица. В повествовании от 1-го лица и в диалогах неопределённость имеет другую природу. В этих случаях неопределённость непосредственно связана с событийной стороной речевых действий общающихся, поэтому она быстро сменяется определённостью: *« - Ольга Ивановна, позволь у тебя посидеть вечерок. Моя комната рядом с Анфисиной, боюсь* ***чего-то.*** *Смерти боюсь»* (И. Грекова). *«В журналистике каждому разрешается делать* ***что-то*** *одно.* ***В чем-то*** *одном нарушать принципы социалистической морали. То есть одному разрешается пить. Другому – хулиганить. Третьему – рассказывать политические анекдоты. … И так далее. Но каждому, повторяю, дозволено* ***что-то*** *одно»* (С. Довлатов).

Богата неопределёнными местоимениями внутренняя речь персонажа, что дает основание считать неопределённость одним из показателей этого загадочного типа речи, точнее, одним из средств его вербального представления: *«Ветер, - вспомнил Месяцев. – Стихия…». Врёт все. Кому она звонила, когда просила жетон? И какое напряжённое было у неё лицо…* ***Что-то*** *не получалось.* ***С кем-то*** *выясняла отношения. Конечно же, с мужчиной… Женщина не может уйти от мужа в пустоту. Значит,* ***кто-то*** *ее сманил»* (В. Токарева). *«Нешатов сидел, подперев руками голову, в которой гудели мысли. Тот самый телефон, сдвоенный, из-за которого все произошло…* ***Кому-то*** *надо позвонить,* ***с кем-то*** *посоветоваться …»* (И. Грекова).

Семантика незнания, вызывающая тревогу, недобрые предчувствия,

передаётся скоплением неопределённых местоимений, эксплицирующих состояние сознания персонажа, особым образом воспринимающего окружающее: *«Прошло еще десять минут. Месяцев понял, что это неспроста. Алику не дают освобождения.* ***Что-то*** *сорвалось. И теперь Алика заберут в армию. В горячую точку. И вернут в цинковом гробу. Из кабинета вышла женщина в белом халате.* ***Как-то*** *непросто глянула на Месяцева, будто* ***что-то*** *знала»* (В. Токарева).

В описании прошлого менее значимые для сюжета события подаются редуцированно, и неопределённые местоимения, являясь в этом случае носителями менее значимой информации, позволяют дифференцировать значимое и незначимое: *«Был* ***чей-то*** *день рождения. Отмечали его на лоне природы. Боря приехал уже вечером, на казенной машине…»* (С. Довлатов*). «Тамара взяла в регистратуре* ***какую-то*** *карточку, потом села* ***в какую-то*** *очередь и посадила меня возле себя. Я хотел спросить: долго ли надо сидеть, но постеснялся такого житейского вопроса на таком, в сущности, трагическом фоне»* (В. Токарева).

Дискурс сна также ориентирован на неопределённые местоимения как носителей ирреальной модальности: *«Он заснул и видел хорошие сны.* ***Какие-то*** *бабочки летали над некошеным лугом, садились на лиловые цветы»* (И. Грекова). *«Заснула она в ту ночь поздно и плохо спала, снились* ***какие-то*** *пустяки, глупости, шкафы с книгами, они двигались и старались ее задавить»* (И. Грекова).

Рассуждение как тип повествования наиболее эпистемично: оно содержит некие новые знания, возникшие на основе жизненного опыта. Рассуждение пополняет информационный фонд адресата, помогает персонажу ориентироваться в мире событий, описываемых в художественном тексте. Рассуждение может непосредственно исходить из описания: *«Деревня Сережино* ***чем-то*** *была похожа на Яновищи и* ***чем-то*** *от нее отличалась. Как и люди. Один человек* ***чем-то*** *похож на другого: голова, руки, ноги, - и вместе с тем это совершенно другой человек»* (В. Токарева). *«Когда один из двоих предает любовь, надо, чтобы другой продолжал хранить верность и веру. Несмотря ни на что. Если* ***кто-то*** *один ждет, то второму есть куда вернуться. А если и другой, из самолюбия, начинает жечь за собой мосты, то уже нет пути назад. Что такое самолюбие? Это значит: любить себя. А надо любить Его. Нику. Надо иметь души побольше. Быть великодушной»* (В. Токарева).

Неопределённые местоимения в художественном диалоге стимулируют его движение. Адресат, как правило, активно реагирует на неопределённость, предлагает свои версии референциального знания. Если в первой или предыдущей реплике диалога находится неопределённое местоимение, то вторая реплика начинает выполнять функцию снятия неопределённости: *« - Постойте, не торопитесь. Бумагу возьмите назад. … А теперь рассказывайте.* ***Кто-нибудь*** *вас обидел? - Никто. Напротив, все со мной даже слишком предупредительны»* (И. Грекова). « - … Послушай... У тебя с ней **что-то** было? Потому что если была любовь, это тебя **как-то** оправдывает. - Совсем откровенно? **Что-то** было. Но не любовь. Одна досада» (И. Грекова).

Вторая реплика может убирать не неопределённость как таковую, а оценку, переданную с помощью неопределённого местоимения: *« - … а этот тип предлагает отдать вполне жилое помещение* ***под какой-то мемориал!*** *-* ***Не под какой-то мемориал,*** *- пояснил Василий, - а под мемориал коммунальной жизни, вообще*

быта маленького советского человека» (В. Пьецух). *«Вернемся к письмам. Неужели из-за того, что* ***какая-то подлая гадина****… - Пожалуйста, только без эпитетов. - Хорошо. Неужели из-за того, что* ***какая-то****, не говорю какая, личность вздумала на нас клеветать, мы должны лишиться одного из лучших наших сотрудников?»* (И. Грекова).

Если снятие неопределённости затруднительно или невозможно, во второй реплике неопределённость подтверждается дополнительными аргументами: *« - Все равно. Меня здесь принимают* ***за кого-то другого****. Ждут от меня того, что я не в силах дать. -* ***Каждого из нас принимают за кого-то другого.*** *А и существует ли он в действительности, истинный «я», а не кто-то другой? Большой вопрос. Каждый человек существует не сам по себе, а во множестве перевоплощений, отраженных сотнями глаз других людей»* (И. Грекова).

В каких-то случаях неопределённость может оказаться самодостаточной, и неопределённое местоимение становится единственным носителем оценки: *«… - Это грандиозное полотно писал местный самодеятельный художник майор Тысячный. Страдает безответной любовью к живописи. - Почему безответной? - А неужели вам нравится? -* ***Чем-то*** *– да. Чехардин, прищурившись, взглянул на картину: - Народный примитив… Впрочем,* ***не без чего-то****»* (И. Грекова). Реплики, поправки, уточнения в диалоге нередко концентрируются именно вокруг неопределённых местоимений.

Неопределённость или недоопределённость в подаче информации свидетельствует не только о прагматических ориентирах субъектов речи, но и является знаком ментальности – особенностей восприятия и понимания действительности. *Как-нибудь*, согласно В.И. Далю, третья составляющая «русской души» – наряду с *авось* и *небось*. Неопределённость относится к базовым представлениям носителей русского языка (Шмелёв, 2002).

Возможности неопределённых местоимений представлять глубинные когнитивные признаки русского дискурса определены Н.Д. Арутюновой таким образом: «Обилие НМ (неопределённых местоимений. – Л.С.), относящихся к признаковым значениям, составляет важную характеристику русского дискурса – разговорной речи и письменного текста, которую можно определить как свойство открытости. НМ – это знаки невыраженных или невыразимых смысловых компонентов: невскрытие причин событий, неясных мотивов поступков, неопределённых вариантов признаков, следы действия неведомых сил. НМ – это своего рода пунктир, знаки молчания и умолчания, незаполненные клетки, семантические пробелы, маркеры разрыва между интуитивным постижением мира и возможностями вербализации, наконец, знаки непроницаемости некоторых сфер бытия, в частности человеческой личности («другого»). Правда человека и правда о человеке ускользает от наблюдателя и особенно от близких людей. Это своего рода неверифицируемая правда» (Арутюнова, 1995: 187). Столь объёмная оценка когнитивных возможностей неопределённых местоимений – существенно значимая альтернатива отношения к местоимениям как к излишне формализованной, «скованной» закрытостью классификаций категории.

Итак, неопределённые местоимения составляют ядро универсальной категории определенность/неопределенность. Семантическая объёмность и

содержательность этой категории объясняет функционально-смысловое разнообразие неопределённых местоимений в дискурсе. В различных дискурсивных ситуациях неопределённые местоимения являются носителями ментально-поведенческих установок субъектов речи.

Неопределённые местоимения имеют отношение к предметам, признакам предметов, к лицам и их состоянию, месту, времени и т.д., о которых у говорящих а) нет точных сведений, б) сведения есть, но по разным причинам о них не хотят говорить (скрывают или не считают важными для конкретного речевого акта), в) сведений не может быть как таковых, есть только самое общее представление об их существовании или возможности существования.

В дискурсе наблюдаются разные конфигурации видов неопределённого знания - в зависимости от целей общения и иллокутивных установок общающихся, и референция к одному и тому же объекту может быть как определённой, так и неопределённой.

Неопределённые местоимения активизируют внимание собеседников, стремящихся адекватно понять характер коммуникативной ситуации. Для описания категории неопределённости и одного из основных способов ее представления – неопределённых местоимений недостаточно выявить модели языкового взаимодействия, нужно соотнести эти модели с механизмами сознания коммуникантов. У говорящего есть право выбирать объекты, которые он маркирует как неопределённые, но есть и обязанность убедить адресата в коммуникативной целесообразности такой маркировки. Немотивированное сокрытие референциального знания может вызвать протестную реакцию адресата. Иначе говоря, коммуникативную ответственность за неопределённость информации из-за ее несогласованности с когнитивным множеством адресата говорящий берет на себя. В процессе общения идет преобразование знания говорящего в информацию для адресата. Неопределённое местоимение может получить быструю расшифровку, а может долго сохранять установку говорящего на неопределённость, оставляя адресата без соответствующей информации и провоцируя тем самым смену дискурсивной ситуации.

Коммуникативный динамизм неопределённых местоимений связан с состоянием когнитивных множеств субъектов речи: референты неопределённого знания могут быть известны говорящему, но не известны адресату, могут быть известны обоим собеседникам, но в разных версиях и т.д. Отсутствие или несбалансированность референциального знания, выраженного неопределёнными местоимениями, ведет к разным видам развития дискурсивной ситуации в зависимости от необходимости и желания субъектов речи перейти от неопределённого знания к определённому. Семантически однородные на поверхностном уровне, неопределённые местоимения оказываются носителями разной когнитивной семантики, обнаружить которую можно только в дискурсе.

Описание дискурсивной семантики неопределённых местоимений, как представляется, подтверждает вывод о том, что «в ходе эволюции русского языка возможности выражения значения неопределённости расширялись и их употребление возрастало по своей частности» (Арутюнова, 1999: 814]. В то же

время не следует сбрасывать со счетов, что именно неопределённые местоимения способны стимулировать когнитивную активность говорящих и способствовать тому, что дискурс неопределённости всегда актуально или потенциально диалогичен.

Примечание:

Опора на текстовый материал – обязательный признак дискурсивного подхода к семантике языковых категорий и единиц. Выбор в качестве иллюстративного материала примеров из художественных прозаических текстов объясняется их проявленностью в прагматическом отношении, приближенностью к моделям реального, живого общения. Актуальный диалогический режим и режим художественного нарратива могут быть без особых квалифицирующих потерь совмещены: в том и в другом случае функционирование языковых знаков связано с говорящим субъектом и адресатом.

Список литературы:

Арутюнова Н.Д. Неопределённость признака в русском дискурсе // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. – М.: Наука, 1995.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.

Исупова О. Конверсационный анализ: представление метода // Социология 4М. - 2002. - № 15. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/175

Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. – М.: Языки славянской культуры, 2005.

Капанадзе Л.А. Разговорная речь как генератор неопределённости // Русский язык сегодня. – М., 2000. – Вып. 1.

Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 1992.

Лобачёв Б.З. О категориях эго- и альтерэгоцентризма // Проблемы структурной лингвистики 1981. – М.: Наука, 1983.

Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – К.: ЦУЛ «Фитосоциоцентр», 2002.

Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира. – М.: Языки славянской культуры, 2002.

Янко Т.Е. Описание мира и речевые действия // Логический анализ языка: Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994.

Список литературных источников:

Ахмадулина Б. Стихотворения. Эссе. – М.: Изд-во АСТ, 2000.

Берберова Н. Железная женщина. – М.: Политиздат, 1991.

Грекова И. Пороги. – М.: Сов. писатель, 1986.

Довлатов С. Старый петух, запеченный в глине. – М.: Локид, 1997.

Паперный З. Музыка играет так весело… - М.: Сов. писатель, 1990.

Попов Е. Прекрасность жизни. – М.: Московский рабочий, 1990.

Пьецух В. Новая московская философия. – М.: Московский рабочий, 1989.

Токарева В. На черта нам чужие. – М.: Локид, 1995.